

Интервью с Александром Лоуэном¹

Вступление редактора²

Нижеследующие записи взяты из интервью с Александром Лоуэном в Нью-Йорке 6 июля 1989 года. Поводом для интервью послужило обсуждение «Страсть молодости», вышедшей недавно книги дневников и автобиографических фрагментов Вильгельма Райха (см. раздел «Рецензия»). Здесь доктор Лоуэн делится своими мыслями и соображениями о Райхе-человеке, о его работе и о том, как некоторые аспекты жизни и работы Райха влияют на нашу сегодняшнюю работу. Представляется уместным поделиться в юбилейном сборнике, посвященном его 80-летию, размышлениями доктора Лоуэна о его учителе, тогда как мы пользуемся возможностью почтить память нашего. Нижеследующее практически не отличается от того, что было сказано. Присутствовали Анжела Клопстех и Майрон Колтув.

АЛ: Я бы сказал: из того, что Райх пишет об эдипальной ситуации в семье, не следует, что она была очень, очень интенсивной. Мы получаем то, на что вы указываете [см. *Helpaer Review*], что мать была очень соблазнительной женщиной, сексуально соблазнительной; что он был первым ребенком; что отец был старшим мужчиной – даже по отношению к матери – и в некотором смысле страшным мужчиной. Это был очень страшный человек. И потому, естественно, мать обратилась к маленькому сыну за пониманием и нежной привязанностью, которых не мог ей дать отец. Это очень разумный способ взглянуть на это. И вот на сцене разворачивается трагедия – эдипальная. Мы знаем, что в трагедии Эдипа сын убивает отца. В случае Райха умирает отец. Что происходит с матерью? Она тоже умирает. И опять же, это было нечто, совершенно не зависящее от сына. Последний аспект его жизни должен вытекать из этой эдипальной ситуации. Удивительно то, что во всех его произведениях очень мало обсуждений эдипальной ситуации. Когда я писал «Страх жизни», я снова обратился к Райху, чтобы посмотреть, где он пишет об этом. Он знает об этом, но почти не упоминает. Это удивительно!

АК: Не пишет, что он снова стал убийцей в случае с семьей Лоры.

АЛ: Не пишет, что он чувствовал это, но это опять же его вина. Не говорит, что его вина в том, что он убийца. Это не его вина. Он никого не убивал. Он сам – одна из жертв, одна из трагических фигур. Он не убийца. Вот почему он борется со своей виной. Потому что на каком-то глубинном уровне он в это не верит. В чем вина Эдипа? В том, что он был сексуально связан с матерью и желал смерти отца. Несомненно, Райх должен быть в той же лодке, он желал смерти отцу.

РХ: Это то, что кажется подавленным.

АЛ: Это то, что подавлено.

РХ: Он не пишет о страхе перед отцом, но, похоже, не замечает, какое влияние на его взрослую личность оказал этот страх. Не описывает отца как страшного, того, кто

---

¹ Перевод с английского Екатерины Гайдай литературный редактор Мария Ремизова, редактор Ангелина Сарматова (СБТ).

² Опубликовано в клиническом журнале ИВА 1990а. Interview. ИВА Journal. Vol. 4, No. 1, pp. 1-11.

постоянно его бьет.

АЛ: Но задайтесь вопросом: почему отец обращался с мальчиком так жестоко? Это единственное слово, которое подходит, – жестокость. Почему?

РХ: Он видел его отношения с матерью.

АЛ: Он ревновал к отношениям с матерью и обвинял мальчика. В противном случае отец не может быть таким жестоким от природы. Он может быть авторитарным, но жестокость, которую проявлял отец, – это ненависть. Когда мы видим несколько параноидальный взгляд у него уже в три года [фотография Райха в детстве в книге], кажется очевидным: он появился потому, что он понял, что отец зол на него – враждебен ему – из-за близости, которую мать к нему чувствовала. Думаю, это единственное объяснение. А если углубиться в его дальнейшую жизнь, можно понять, что у него была проблема с властью. Вся проблема с властью идет из двух вещей: он проецирует свои чувства из-за отношений с отцом на всю власть. «Власть в основном враждебна мне, враждебна моим чувствам». И при этом испытывал вину за свои отношения с матерью. Он проецировал на власть и собственные негативные чувства к отцу. Вы не можете винить его больше, чем отца.

АК: Что вы думаете о том, что у него были такие ранние сексуальные отношения с нянями?

АЛ: Думаю, что это спасло ему жизнь и рассудок. Видно, что этот человек был сексуально измучен всю свою жизнь. Это ненормально. Это компульсия. Он одержим сексом. Но это не значит, что он один одержим! Мы все одержимы сексом в этой культуре. Я знаю, я сам такой. Время от времени вы встречаете того, кто не одержим сексом, и понимаете, какая разница между тем, как вы относитесь к сексу, и тем, как относится к нему действительно здоровый человек. А Райх был одержим сексом. И причина, почему он был одержим сексом: это пришло к нему в том возрасте, когда он еще не мог с этим справиться. Как справиться с этим, если вы ребенок и перевозбуждены матерью, которая красива, соблазнительна, сладострастна и нежна? Если бы вы были ребенком, глядя на это лицо, вы бы потянулись к нему руками и губами. Вы не смогли бы устоять перед ним, оно как спелый персик. У матери нет сильной структуры эго, но есть чувственность.

МК: Райх писал, что она жила ради детей.

АЛ: Это не стопроцентная правда. Когда он говорит, что она жила для детей, имеется в виду, что она хотела, и чтобы дети жили для нее. Участие в воспитании – это не жизнь для детей. На самом деле, если вы посмотрите на эту женщину и посмотрите на отца, вы увидите две противоположности. Это две противоположные личности. Там обязательно будет фейерверк.

РХ: Она выбрала себе в любовники мужчину помоложе, учителя.

АЛ: И еще выбрала собственного сына.

МК: Я пытаюсь понять, каким человеком она была. Она не была человеком, уверенным в своей сексуальности.

АЛ: Нет, конечно, нет. Будь она уверена в своей сексуальности, Райху не надо было бы быть психоаналитиком! Мы знаем, что это не так. И отец тоже не был уверен в своей сексуальности, хотя он был более сильным человеком, с гораздо более сильным эго. Напротив, вы видите, она очень сильно отождествляется с нежностью и мягкими чувствами, тоской и чувствительностью, а не с сексуальностью. И ребенок откликнулся на это. А с другой стороны, в отце, как авторитарной личности, сексуальность означала доминирование. Поэтому не было реализации (в браке). Отец не может реализоваться,

потому что не сдается, а мать не может реализоваться, потому что не может требовать. Но проблема в Райхе, а не в личностях родителей.

АК: Райх пытался следовать тому, что было естественным.

АЛ: Ну, «естественность» – забавное слово для Райха, потому что, хотя он и говорит «естественный», не знаю, знал ли он когда-нибудь, что такое естественность. Откуда ему было знать, учитывая его происхождение? Как он, настолько измученный, настолько одержимый сексом, может знать, что такое естественность? Все, что он знает, это то, что у него огромное сексуальное влечение.

РН: И огромная жизненная сила.

АЛ: И огромная жизненная сила, несомненно, но во всем этом процессе нет ничего «естественного». На самом деле, если уж на то пошло, все его отношения с женщинами не были естественными. Страх перед отцом, разумеется, привел к его паранойе. Позже он действительно стал параноиком, это не вызывает сомнений. И всегда был параноиком. Когда я проходил с ним терапию, он иногда начинал сеанс с того, что говорил: «Ну, Лоуэн, что обо мне говорят?». Это параноидальное замечание. Любой человек в его положении в детстве будет параноиком. Отец хотел его уничтожить.

РХ: А как насчет нарциссизма?

АЛ: Нарциссизм не идет из паранойи, нарциссизм возникает из-за вмешательства матери. Он был ее особенным маленьким мальчиком. Когда она бросила его или предала ради учителя, это был для него страшный удар.

РН: Когда вы читали книгу, у вас возникали какие-то личные воспоминания о собственных контактах с Райхом?

АЛ: Ну, есть несколько вещей, которые я чувствую по отношению к Райху. Первое – это, конечно, его гениальность, блестящий ум. Вероятно, он был наделен им с детства. В нем очень рано пробудилась интеллектуальная потребность понимать и знать, что происходит, потому что он находился в ужасно уязвимом положении. У любого ребенка в таком положении разум должен работать непрерывно. Кроме того, в нем было расщепление, которое я осознавал в то время, хотя и не на очень глубоком уровне. С одной стороны, он был чуток к людям, что очень заметно в его работе с ними. Но у него не было чуткости к людям, которые с ним не работали, – не было общей чуткости к людям, – потому что он был слишком озабочен собой. Не знаю, понимаете ли вы, что я имею в виду, но он постоянно двигался с очень нарциссической позиции. Если вы нуждаетесь в нем, он очень чуток, заботлив, весь в контакте с вами. Но это потому, что вы нуждаетесь в нем, и это дает ему возможность выйти наружу. Но как человек в своей социальной жизни он с вами не общается, не видит вас как человека. За этим надо следить у всех терапевтов! В таком положении легко быть чутким, вопрос в том, можете ли вы сохранять такое осознание в обычной жизни, а не только как терапевт. То есть в нем остается расщепление, которое победит его на личном уровне. Вы видите еще кое-что (глядя на отношения с женщинами, которые Райх описывает в книге), вы понимаете, что Лия вышла замуж за мужчину, который был настоящим мужчиной. Лию не привлекал Райх. У Лии было слишком много хороших чувств, чтобы связываться с таким человеком, как Райх. Он восхищался Лией, он видел в ней настоящее здоровье, но она не хотела иметь с ним ничего общего, кроме как с блестящим человеком и с тем, с кем можно поговорить, но не на эмоциональном уровне. Суть в том, что Райх чувствует здоровье человека, но сам не может ему соответствовать. Думаю, это можно сказать про любого из нас. Женщины, с которыми связывается Райх, нездоровы. Была проститутка,

которую он называет Лизи. И была Лора. Они, я бы сказал, похожи на проститутко-девочек. У него был огромный страх перед женщинами. Давайте посмотрим, что я еще о нем знаю. Конечно, в нем самом была огромная злость. Он никогда не показывал этого лично мне, но многие люди чувствовали в нем сильный гнев. Это проявляется в том, что его сильно обижали, угрожали. Это значит, что он мог убить. А теперь мы подходим к настоящему вопросу: борьбе человека за то, чтобы проработать эти проблемы в себе. А как человек пытается решить эти проблемы? Какой у него выбор? Есть только два пути: один – действовать, а другой – попытаться понять. И учитывая огромные муки, вы понимаете, что у этого человека по крайней мере хватило ума попытаться понять, с чем он борется, продолжить это на этом уровне, а не разыгрывать. В жизни он все равно немного притворялся; связь с Греттой Хофф и другими – это было притворство. Теперь вопрос в том, объясняет ли сексуальная одержимость Райха его творчество? Ответ должен быть да и нет. Она объясняет только причину его увлеченности сексом, но не его работу. Ему пришлось попытаться вникнуть в сексуальные инстинкты, сексуальные импульсы, чтобы ее понять. Но это не объясняет его находки, его понимание и то, как он с ними работал. В книге «Функция оргазма» он пишет о первичном и вторичном сексуальном влечении и проводит очень четкое различие; отождествляя первое с чувством любви, а второе – с сексуальным влечением, которое не связано с любовью. И это большой шаг для мужчины, большая часть сексуальности которого связана не с любовью, а с компульсивным сексуальным влечением. Ему пришлось столкнуться с самим собой, чтобы к этому прийти, и критиковать себя (не то чтобы он заявил об этом публично): «Я был не первого сорта». Он знал себя, чтобы сделать такое заявление. Нужно признать его фундаментальную честность. Без этой честности он не достиг бы того, чего достиг. И честность, конечно, в той мере, в которой он находится в контакте.

МК: Я хочу спросить о его честности. Вы слышали, каким было в его время сообщество Райха. Это было что-то вроде империи инков. Он был гением на вершине, но он искал признания как гений. Знал ли он об этом? Прислушивался к этому? Было ли это честно?

АЛ: Это хороший вопрос. Когда человек не знает, его трудно обвинить в нечестности. Думаю, что в последние годы жизни Райха его нарциссизм взял верх. И, становясь все более успешным, он начал терять ощущение своей борьбы и собственных проблем. Это типично для нарциссизма. Честность проявляется в самом начале. Вы не найдете этой честности в последней части его жизни. Кроме того, наступает момент, когда по мере того, как вы становитесь более успешным и известным, ваши сексуальные проблемы в какой-то степени уменьшаются, потому что женщин привлекает власть и привлекаете вы. Внезапно вы перестаете чувствовать себя аутсайдером по отношению к женщинам. Так или иначе, в эдипальной проблеме он столкнулся с тем, что всю юность был самозванцем. И ощущение преследования, ощущение того, что он пробирается в покои королевы, – это положение самозванца. Он никогда не был королем. Когда он стал более успешным, он занял позицию доминирующего короля, но это всего лишь другая сторона медали. Поэтому он стал в некотором смысле богоподобной фигурой: королем, который, теоретически, должен быть самым могущественным мужчиной.

РХ: Что вы думаете о культурном контексте?

АЛ: Ну, есть две мысли по этому поводу. Первая – чтобы подвергать сомнению культуру так сильно, как это делал Райх, нужно быть ужасно уязвленным этой культурой и чувствовать себя в ней аутсайдером. А Райх всегда был аутсайдером. Инсайдер не ставит под сомнение систему. Король не ставит под сомнение статус-кво. Значит,

аутсайдер – это тот, кто лишен власти и ставит систему под вопрос. То есть мы должны принять, что у любого, кто ставит систему под сомнение, есть это чувство. Во-вторых, хотя эдипальная проблема существовала во многих семьях, в жизни Райха она была до необычайной степени обострена и драматизирована. И поскольку он так сильно страдал от этого, он мог видеть это более ясно. Фрейд тоже знал об эдипальной проблеме. Почему он отказался от атаки на систему? Мы знаем, что он говорил, что это фантазии пациентов, что на самом деле этого не происходит. Родители не соблазняли своих детей, дети это воображали. Но вы должны понимать, что между Фрейдом и Райхом существует разница в поколение, и в поколении Фрейда культура все еще имела значение. В этом и заключается проблема. Мы знаем исторически, что Первая Мировая война разрушила огромное количество ценностей, и Райх был продуктом этого разрушения. Фрейд был продуктом стабильности более раннего периода, когда никто не решался атаковать стабильность, потому что она казалась логичной. На вещи следует смотреть очень практично. В 1895 году Фрейд был убежден, что сексуальные травмы существуют – что то, что произошло, правда, а потом (около 1910 года) он отступил от этой позиции.

РХ: Разница в темпераменте между Фрейдом и Райхом поразительна.

АЛ: Поразительна. Да.

МК: Фрейд любил находиться позади пациента. Ему не нравилось быть лицом к лицу. Ему нравилось слушать, как разворачивается история. Райх любил быть напротив пациента, ему хотелось энергетического и эмоционального контакта. Очень разительное отличие в темпераменте. Это влияет на направление, которое вы выбираете для своей практики.

АЛ: Конечно. Когда Фрейд говорил: «Я не выношу, когда на меня смотрят», – что он на самом деле имел в виду? Иначе говоря, они бы что-то увидели. Что бы они увидели? Если пациент говорит о сексуальности, он собирается как-то отреагировать, особенно учитывая его время. И он не хочет, чтобы его воспринимали так, будто у него нет сексуальных чувств. Разве это не единственно возможная интерпретация? Но проблема не столько в том, что Райх отличается от Фрейда, сколько в том, что время тоже разное. Когда появился Райх, шла Первая Мировая война, и сексуальность была гораздо более открытой. Солдаты на Первой Мировой уже спали с кем попало. Это был крах всей викторианской морали, основным сторонником которой был Фрейд. Каковы последствия этого для нас? Начнем с того, что сейчас очевидно: Райх открыл целую эпоху. Он отец сексуальной революции, по крайней мере, теоретический отец сексуальной революции – ее интеллектуальный выразитель. Можно утверждать это в том смысле, что он дал этой революции теоретическую основу. На самом деле революция была вызвана Первой Мировой войной, которая произвела полный переворот в людских нравах. Поэтому, если мы говорим, что он теоретический отец революции, мы говорим, что культура, которая развилась, имеет, в некоторой степени, то же самое навязчивое сексуальное качество, которое было у самого Райха. В этом нет никаких сомнений – культура сексуально одержима. Теперь зададимся вопросом, какова была сексуальная революция. А каждая революция имеет свои положительные и отрицательные стороны. Каковы они? Положительные аспекты заключаются в том, что она устранила двойные стандарты и подавала секс как нечто позитивное. Она способствовала отношению к сексу как к самой естественной функции, биологически естественной и здоровой. А негативная сторона, конечно, заключается в том, что, отрицая ограничения, которые викторианская культура накладывала на сексуальность,

она оставила общество беспомощным наложить какие-либо ограничения, теоретически говоря. Райх это понимал. Он много раз спрашивал: «Лоуэн, какое будущее нас ожидает?» И я отвечал: «Не знаю». И он говорил: «Правильно. Мы не знаем. Но можем быть уверены, что оно будет хаотичным». Но он надеялся, что из хаоса возникнет что-то очень позитивное. И считал, исходя из своего определения естественной сексуальности, первичной сексуальности в сравнении с вторичной, что человек сам наложит моральные ограничения на свое сексуальное поведение. Он в это верил. Но между верой и достижением – большая разница. Теперь вопрос в том, почему мы не можем достичь этой внутренней морали? Думаю, дело в философской позиции нынешней культуры, которая разрушает, или, лучше сказать, предотвращает, возможность развития внутренней морали. И эта философия заключается в том, что предел – это небо. Человек может достичь всего, к чему стремится. Нет никаких пределов. И нет морали. И нет способа узнать, что правильно, а что нет. На мой взгляд, это основной недостаток. Я изложу вам свою личную позицию, с которой я смотрю на биоэнергетику, в отличие от позиции Райха в терапии. Райх верил, что можно достичь оргазмической потенции. Это было успешным терапевтическим результатом. И именно поэтому Райх считался оргазмически сильным – ведь иначе терапия не была бы успешной. Лично я убежден, что такого успеха достичь невозможно. И насколько мы принимаем нашу неудачу, настолько же мы принимаем и реальность своего бытия и своей жизни. Это глубокая философская позиция. Но я знаю, что без этого не смогу ни с кем нормально работать. Самая большая проблема с любым пациентом, с которым я работаю, – это заставить его признать, что он потерпел неудачу. Любого пациента. Только после этого они сдаются. Прекращают невротические усилия. Позволяют себе чувствовать и принимать. Мы знаем, что они стараются, не только чтобы достичь, преуспеть, хотя есть и это. Это, в некотором смысле, еще и преодоление ограничений, которые на них они накладывали в детстве. Но это тоже невозможно преодолеть. Это все это. Райх не мог смириться с неудачей. Это единственное, с чем он не мог смириться. Это то, что я принимаю сейчас в себе и в любом другом человеке. Я это принимаю.

Дальнейшие комментарии

АЛ: Сегодня интересно то, что на каком-то уровне все аутсайдеры. Все. И все – какие-то «вечные жида». Люди потеряли свои корни. Это сделал автомобиль. В этой культуре каждый – странник, аутсайдер, человек, лишенный собственности, лишенный своего природного наследия или своего места в жизни. И все одержимы сексом, неважно, проявляют они эту одержимость или нет. И культура разрушает отношения. Каждый вовлечен в свое личное чувство Я, Я, Я. На экономическом уровне нет предела тому, что они видят, как должна развиваться экономика. Она должна развиваться больше, больше, больше. И это уничтожит Землю, что бы ни говорили защитники окружающей среды. Наука не видит предела тому, куда движется. Сегодня мы покоряем Землю, завтра – космос. Мне кажется, что психоанализ в эго-психологии ушел в метафизику. Не думаю, что он сталкивается с проблемами людей. Если сказать пациенту во времена Фрейда, что он влюблен в свою мать и испытывает к ней сексуальные чувства, его бы это шокировало. Произвело бы эффект. Сейчас вы можете сказать то же самое – на самом деле, пациенты сами мне говорят: «Я знаю, что был влюблен в мать». Они говорят об этом. Сила воздействия заключалась в степени шока. Сегодня об этом можно говорить сколько угодно, но это игра. Одна из вещей, о которой, конечно, не

упоминается, – во всей работе Райха очень мало намеков на глубину проблемы, с которой он хотел заниматься. Когда я уехал в Европу в 1947 году, Райх достиг точки – в то время он все еще занимался терапией в Нью-Йорке, – когда с некоторыми людьми мог добиться оргазмического рефлекса за полдюжины сеансов. Ничего не было разработано, но рефлекс срабатывал. Поэтому теоретически можно было предположить, что все пройдет хорошо. Райх смог это сделать, а другие не смогли. Но, конечно, в то время его власть была на пике в смысле престижа и личных чувств. Он был очень харизматичным человеком, как и многие психопаты. Он не был полностью психопатичным, но в нем был этот элемент, в нем было много очень жизненной энергии и блестящий ум. Но глубину проблемы он не осознавал. Я думаю, для нас сейчас важно осознать глубину проблемы. Мне кажется, в основе этой проблемы лежит страх безумия. Райх был измучен. Он был на грани безумия. В борьбе за то, чтобы думать и писать дневники, он боролся за свой рассудок, чтобы понимать. И сейчас, когда мы имеем дело с сексуальным растлением и сексуальным насилием, мы постоянно сталкиваемся с этой проблемой – почти в каждом случае.